

**Модель взаимодействия мира и лирического субъекта в поэзии
Л. Рябовой (сборник «Кие тон?» («Кто ты?»))**

С. В. Шеянова

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в настоящее время поэтическая система Мордовии пополняется новыми именами, обогащается оригинальными формами и средствами выражения поэтической мысли, жанровыми контаминациями, экспериментами в области языка и стиха. Новаторские поиски в современной поэзии вносят свои коррективы в общий характер художественного мышления, меняют традиционные тенденции эволюции художественной словесности в целом. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью разноаспектного, скрупулёзного научного осмысления, объективной оценки происходящих литературно-культурных изменений. Объектом исследования явилась специфика конструирования поэтической модели взаимодействия лирического субъекта и действительности в лирических манифестациях Л. Рябовой, представленных в сборнике «Кие тон?» («Кто ты?»).

Цель статьи заключается в определении поведенческой модели лирической героини Л. Рябовой, её отношений с реальностью, в процессе репрезентации которых утверждаются индивидуально-авторские интенции, актуализируются общечеловеческие этические константы, этнические ценностные ориентиры.

Материалы исследования: материалом исследования явились лирические произведения Л. Рябовой, включённые в поэтический сборник «Кто ты?».

Результаты и научная новизна: в статье в научный оборот впервые вводится стихотворный сборник Л. Рябовой «Кто ты?», предлагается интерпретация поэтических манифестаций поэтессы и их продуктивный анализ. В ходе рассуждений по теме исследования автор приходит к выводу о том, что конструируемая Л. Рябовой лирическая модель взаимоотношений личности и современных реалий амбивалентна, что объективно отражает сложность и многосторонность мира, полифоничность его проявлений. Художественные поиски приёмов и средств реализации лирического «я» приводят поэтессу к пропаганде основ национальной культуры, осмыслению незыблемых общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: современная мордовская поэзия, лирический субъект, поэтическая модель, мотивно-образный кластер, интенция, рецепция.

Для цитирования: Шеянова С. В. Модель взаимодействия мира и лирического субъекта в поэзии Л. Рябовой (сборник «Кие тон?» («Кто ты?»)) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 317–327.

**Model of interaction of the world and the lyrical subject
in the poetry of L. Ryabova (collection «Who are you?»)**

S. V. Sheyanova

*Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: at present time the poetic system of Mordovia is replenished by new names, enriched by original forms and means of expression of poetic thought, genre contaminations, experiments in the field of language and the verse. Innovative searches in modern poetry make their own adjustments to the general nature of artistic thinking, change the traditional trends of evolution of artistic literature in the whole. The relevance of this

article is due to the need of the multidimensional, scrupulous scientific understanding, an objective assessment of the ongoing literary and cultural changes. The object of the research is the specificity of constructing of a poetic model in interaction of the lyric subject and reality in the lyric manifestations of L. Ryabova, presented in the collection «*Kie ton?*» («Who are you?»).

Objective: to determine the behavioral model of the lyrical heroine of L. Ryabova, its relations with reality, in the process of representation of which individual author's intentions are affirmed, universal ethical constants, ethnic value guidelines are actualized.

Research materials: the lyric works of L. Ryabova, included in the poetic collection «Who are you?». Traditional methods of literary research (structural-semantic, structural-poetic) and modern approaches of the humanitarian profile (historical-genetic, culturological, contextual) were used in the work.

Results and novelty of the research: for the first time the article introduces into the scientific circulation the poetic collection of L. Ryabova «Who are you?» and offers interpretation of poetic manifestations of the poetess and their productive analysis. In the course of reasoning on the theme of the research, the author comes to conclusion, that a lyric model of interrelations between the individual and modern realities constructed by L. Ryabova is ambivalent; it objectively reflects the complexity and versatility of the world, the polyphonic nature of its manifestations. The artistic searches of ways and means of realization of the lyric «I» leads the poetess to propaganda of foundations of national culture, comprehension of the unshakable universal human values.

Key words: modern Mordovian poetry, lyrical subject, poetic model, motif-image cluster, intention, reception.

For citation: Sheyanova S. V. Model of interaction of the world and the lyrical subject in the poetry of L. Ryabova (collection «Who are you?») // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2018; 8(2): 317–327.

Введение

В XXI столетии мордовская литература, поэзия в частности, вступает на новый виток своего развития, что обусловлено как имманентными внутрилитературными стадияльно-типологическими закономерностями, так и внешними историко-культурными факторами, определённым образом влияющими на сознание социума в целом и индивидуума в частности. Наблюдается интенсификация художественных поисков, освоение традиционных форм, мотивно-образных кластеров, проблемно-тематических кодов и их новаторская трансформация в соответствии с индивидуально-авторским мировосприятием и потребностями читательской аудитории. Научная рефлексия данных изменений становится одной из концептуальных задач современного литературоведения, ориентированного на разноаспектное восприятие художественного процесса – осмысление его эволюционных шагов, форм отражения этнической самобытности и универсальности, авторских стратегий и художественных практик, уровня творческой креативности отдельного автора, своеобразия его образно-символического кода и т.д. Данная статья вписывается в проблемно-исследовательский контекст современного мордовского литературоведения, на материале творчества поэта «новой волны» автор оценивает тенденции и перспективы развития национальной поэтической системы.

Проблемы эволюции современной поэтической системы Мордовии оказываются под пристальным вниманием учёных-филологов, предпочитающих различные научные сюжеты решения литературоведческих проблем. Одной из наиболее продуктивных исследовательских стратегий является описание жанровой парадигмы национальной поэзии. В монографии О. И. Налдеевой «Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры» [9] представлено описание национальных вариаций поэтических жанров, установлены канонические жанры, рассмотрена трансформация жанровых моделей. Литературоведы рассматривают поэтические эксперименты современных авторов во взаимосвязи с мировой литературной традицией, оценивают лексико-смысловую сферу поэтического текста, синтаксическое оформление, проводят лингвосемантический анализ творческих моделей высказывания [8], выявляют способы и формы выражения авторского сознания [7; 14], предлагают аналитические гипотезы о перспективах эволюции национального поэтического дискурса [1]. При всем внимании исследователей к разным проблемным полям мордовской поэзии, они не исчерпываются названными аспектами. Современные авторы активно экспериментируют с формой, языком, стихом, трансформируют традиционные составляющие, приспосабливаются к потребно-

стям читательской аудитории, что вызывает необходимость постоянного мониторинга, «контроля» их творческих опытов и изысканий, что приведёт к серьёзным теоретико-методологическим обобщениям и выводам, выведет науку о национальной словесности на более высокий качественный уровень. Работа имеет и практическую значимость – её положения могут быть использованы в процессе преподавания различных дисциплин филологического профиля.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил поэтический сборник Л. Рябовой «Кие тон? («Кто ты?»)» [12], впервые подвергающийся научной интерпретации и оценке. Композиционно книга разделена на четыре части, названия которых, так же как и название сборника, построены в форме вопроса: «Мекс аварди менелесь?» («Почему плачет небо?»), «Ков вети кись?» («Куда ведет дорога?»), «Кие мон тонтеметь?» («Кто я без тебя?»), «Мезде моры оймесь?» («О чем поет душа?»). Первые три части составили стихотворения, последнюю – песни.

В работе использован ряд методов литературоведческого исследования: структурно-семантический, структурно-поэтический, позволяющий рассмотреть мотивно-образный и композиционный аспекты поэтического целого; историко-генетический, направленный на обнаружение источников литературных явлений; культурологический, способствующий осмыслению литературного факта как части национальной культуры. Приоритетной исследовательской стратегией автором признается обращение к образной системе поэтических произведений. обстоятельный, содержательный разбор стихотворного текста позволяет продемонстрировать глубину авторской мысли, оригинальность художественного замысла, раскрыть смысловую многогранность поэтического образа, описать востребованный автором арсенал эстетических средств образности.

Результаты

Представительница «новой волны» мордовских авторов Л. Рябова уверенно вступает на литературную арену, о чем свидетельствуют сборники предшествующих лет «Серебряные капельки», «Летела птица...». Правоммерно говорить о том, что поэтессе интересует Человек в многообразии внешних и внутренних про-

явлений и взаимоотношений с окружающими реалиями, в преодолении, постижении самого себя. Её лирическая героиня по-юношески наивна, доверчива, эмоциональна, одновременно социально активна, созидательна, наделена глубокими чувствами, умеет любить искренне и преданно.

В сборнике «Кто ты?» голос Л. Рябовой меняет свою тональность, становится увереннее, требовательнее, критичнее. Из стихов уходит созерцательность, юношеский восторг, инфантильность, доверчивость. В аннотации к книге написано, что автор стремится ответить на сложные вопросы: Кто ты для своей страны, народа, близких и не очень? Кто ты внутри себя? Таким образом актуализируются вопросы онтологического, гносеологического содержания, столь остро и конкретно не эксплицированные в предыдущих сборниках, что свидетельствует о переменах в авторском мировосприятии, мироотношении, способах осмысления коррелирующих фактов, усилении философского вектора в процессе интерпретации жизненных явлений, концентрации авторской мысли не на узких интимных интенциях, а метафизических бытийных понятиях и образах.

В произведениях первого цикла «Почему плачет небо?» Л. Рябова представляет модель взаимоотношений лирического субъекта и мира, в которой реальность воспринимается как хаос, противостояние разных сил. По утверждению исследователей, «каждый истинный поэт в своём творчестве отражает не только личное восприятие мира, но также мысли и мироощущения своих современников, важные события в жизни страны, он становится «эхом народа» [15], в связи с чем правоммерно утверждать, что поэтесса стремится осмыслить насущные общественные, нравственно-этические, этнические проблемы современности, дать им оценку посредством поэтических образов, мотивов, акцентов.

Предваряющее анализируемый сборник стихотворение «Эрзянь мастордо вал» («Слово об эрзянской земле») продолжает традиции гражданской лирики – представляет собой лирико-драматический монтаж событий исторического прошлого эрзянского народа. Одновременно оно наполнено глубокими философскими выводами, представленными как народные пословицы метко и афористично: «Олячинть питнензэ / уречись содасы. Ансяк олячисэ ине

раське касы. / Ансяк тумось рашты сэрастонзо тумо. / Эрямо а маштат – / тонсь улэзат чумо» («Цену свободы рабство оценит. / Только свобода растит великое племя. / Только от жёлудя дуба вырастает дуб. / Если не можешь жить – сам виноват»)¹ [12, 7]. В произведении перемежаются разнородные интенции: гордость за свой народ, вера в реанимирование его культурных основ, одновременно – разочарование в этнической нереализованности, обида на самих себя. Драматический монолог завершается агонистической, «разрушительной» сентенцией: «Кезэрень пингень превтне эзь ванстово тенек, / ды вельксэнек лайши эрзянь меленелек» («Мудрость предков мы не сохранили, / и над головами плачет эрзянское небо») [12, 7]. Строки поражают бескомпромиссностью лирического настроения, категоричностью авторских оценок. В данном случае гражданские интенции автора скрещиваются с его «лирико-публицистическими высказываниями, образуя тем самым сложный комплекс лирических переживаний» [10].

Раздирающим душу криком можно назвать стихотворение «Меельце» («Последний») [12, 9]. Так автор называет эрзянина, в последний раз поющего песню на родном языке. Его песня «грустная», «обжигающая горечью», словно плач по покойнику. Она не может оставить равнодушным – «берёт за горло», «оставляет рубец на сердце». Духовному состоянию лирического героя аккомпанирует «пустое небо», словно «выцветшая портянка». Поэтесса поднимает актуальный и болезненный для современного общества вопрос – сохранения эрзянами родного языка, культуры, национальной идентичности. Безусловно, она глубоко переживает эти проблемы и привлекает к их осмыслению своего читателя. Действительно, в условиях нивелирования национальных истоков может наступить напрогнозированный в стихотворении момент, когда «эрзянин споёт эрзянскую песню – в последний раз...». Лирический субъект тонко чувствует дух времени, остро реагирует на насущные проблемы современности, испытывая ответственность за происходящее.

Стихотворение «Пургаз марто кортнема» («Разговор с Пургазом») написано в форме ответа на вопрос князя: «Как живете, эрзяне?»

Заявленный в первой строфе диалог переходит в монолог-размышление лирического субъекта, дающего нравственно-этическую оценку современному обществу, проявлениями которого являются неутешительные факты: «умок кадозь эрзянь репештятне» («давно забытые места молений»), «тюремат тесэ молить, / конатнесэ а изнякшны кияк» («противостояние, в котором нет победителя»), «видечинть вельтасы нолдазь човось» («правду затмевает пена») и др. В стихотворении проявляется причиняющая боль самой героине иронично-критическая мысль о национальной самоидентификации эрзян («Кие эрзя, кие – аламодо, / «Аламодонтъ» яла седе ламо...») («Кто эрзянин, кто – чуть-чуть, / Кто «чуть-чуть» – тех всё больше и больше») [12, 11]. Данные строки воспринимаются вызовом поэтессы деэтнизированной действительности.

Основными поэтическими средствами, скрепляющими структуру данного текста, являются метафора и сравнение. В авторской рецепции, «шкась ней – идем» («время сейчас – дикое»), «верьсэ – теке ведьсэ – пештитъ эрькетъ» («кровью, словно водой, наполняют реки»), «эрзянь моротне мода ёжос лембе сувокс валгить» («эрзянские песни словно тёплые туманы»). Поэтесса открыто выражает своё крайне негативное отношение к современному мироустройству, однако описание бездуховности эпохи не превращается в её самоцель. Она придерживается эстетического требования, согласно которому «глубинный смысл поэтических образцов должен давать читателю повод для позитивного настроения» [3], чем обусловлено изменение тональности финишной строфы – печально-критические интонационные нотки плавно сменяются позитивным пафосом, верой в продолжение эрзянского рода, Эрзянской земли, бесконечной, уходящей в глубины души, «окружённой забором любви и благодати».

Стихотворение «Кие тон?» («Кто ты?») представляет композиционный синтез обращения и призыва. Задаваемый лирическим субъектом реципиенту вопрос «Кто ты на этой земле?» переходит в смелый анализ современных общественных реалий («моданть умок нолдызь панксокс» («землю разорвали на лоскуты»), «оймесь уды корсо» («душа храпит»),

¹ Перевод здесь и далее в тексте подстрочный. Наш. – С. III.

«прямтокс ашти кежесь» («царствует зло»), «сырнесь – весементень неже» («золото – основа жизни»), которые навязывают индивидууму свой образ жизни, мысли, обрекая его на глубокие внутренние переживания, лишая права голоса: «кортат аволь зярдо мелеть», «сусковтозь, таргози келеть» («держишь язык за зубами»), «сюкомят – эскельдить лангат» («поклонись – перешагнул через тебя»). В последней строфе лирический субъект призывает к ответственному осознанию своей роли и места на родной земле не только в настоящий момент, но и в будущем: «Арсек, кить эйкакшот улить. / Азорт улест – аволь уреть...» («Думай о том, кем будут твои дети. / Чтоб хозяевами были – а не рабами...») [12, 17]. Его волнует судьба и величие эрзянского народа, он желает видеть нацию гордой, сильной, многочисленной, миролюбивой. Последняя строка стихотворения – вопрос «Кие тон эсеть масторсо?» («Кто ты на своей земле») – придаёт произведению кольцевую композицию и одновременно незавершённость мысли, т.к. ответ на данный вопрос – в душе у каждого реципиента индивидуальный.

Первую часть анализируемой книги составили стихотворения, в которых эксплицитно отражена гражданская позиция поэтессы. Справедливо говорить о том, что её волнуют вопросы общественного, культурно-этнического содержания, судьба эрзянского народа, социально-политические катаклизмы современности становятся тематической матрицей сборника «Кто ты?». Во многих стихотворениях остро звучит боль от незаживающей внутренней травмы, предельно жёстко раскрывается отношение к деэтнизирующей современности, имплицитно выражено ощущение этнокультурной подавленности, проявляющейся в самоидентификации эрзян («чуть-чуть эрзянин», «осколок эрзянского») и условиях их самовыражения.

Произведения данного блока – это поэтическая рефлексия сложившихся в современном мире сложных взаимоотношений, протекающих противоречивых перемен, отражающихся в сознании человека, определённым образом меняющих его миропонимание, психологическое состояние. Стихи содержат много вопросов, обращений, призывов, мольбы. Кто ты на этой земле?! Какова твоя роль?! В стремлении найти ответ на данный вопрос лирический субъект выступает в роли потомка Пургаза, младенца в утробе матери, последнего

эрзянина, продолжателя эрзянского рода, слепого, человека в маске, духовно безвольного раба. В стихотворениях первого блока нет пейзажных образов, автор целенаправленно отказывается от природного мотивно-образного кода, противопоставляя гармоничное естественное начало нравственно низменному, раздираемому противоречиями социальному. Лирическое «Я» утрачивает чувство природы. В созданном в поэтическом сознании Л. Рябовой демонизированном обществе нет места любви, добродушию, взаимопомощи, здесь царят зло, насилие, угрозы, подчинение, лицемерие, ложь, воровство, горечь осознания человеческих пороков. Социум резонирует с внутренним состоянием личности, осознающей свой моральный и гражданский долг, сопротивляющейся негативным процессам материальной и политической привилегированности, этнокультурного, духовно-нравственного диссонанса.

Онтологическая модель мира в поэтическом дискурсе Л. Рябовой основывается на оппозиции «прошлое / настоящее». «Чуткость» и осознание бытийных противоречий подводят автора к поиску возможностей преодоления трагизма настоящего. Одним из таких «смысловых векторов» оказывается рефлексивное погружение в онтологию времени и связанный с ней процесс «воспоминания» [16]. Моделирование действительности, поведение лирического субъекта в высказываниях второго цикла книги «Куда ведёт дорога?» обусловлены идеологемой «память», через которую проецируются образы малой родины, родительского дома, детские впечатления. По утверждению исследователей, «в метапространстве современной женской поэзии топос детства как разновидность антропологического типа пространства занимает особое место» [13]. Идиллический хронотоп «детского» мира традиционно соотнесён с архаическими образами и мотивами: матери, отца, бабушки, сакрального центра – отчего дома, семейного счастья, потерянного рая. Топос детства в поэзии Л. Рябовой соотносится с геокультурной моделью современности (позволяет эксплицировать контраст между прошлым и настоящим), трансформируется до средства психологической идентификации героини.

Ключевое место в структурно-содержательной системе цикла занимает природно-пейзажный код, который признается «основным художественным способом выражения человеческих исканий, страданий, внутренних

порывов» [2, 21]. В стихах Л. Рябовой натуралистические символы становятся средством психологической идентификации лирического субъекта и его разнообразных сентенций. Характерно стихотворение «Монь велесэ парсеень тикшетне...» («В моём селе – шёлковые луга...»), построенное на комплексе традиционных образно-изобразительных знаков: «парсеень тикшет» («шёлковые травы»), «сырнень горниповт» («золотые купальницы»), «ведесь пильгень палси» («вода ноги мои целует»), «килесеесь черьпулозон кундси» («берёза за косы хватает»), «пельтне венчекс нурыгить паксянтэ песэ» («тучи лодкой свисают над полем»), («кортнить озязт вальмапрясо» («воробьи беседуют») и др. В этой природной идиллии лирический субъект черпает силы, обретает вдохновение, наполняется глубокими ощущениями, он чувствует себя свободным и счастливым. Последние строки «А эряви седе вадрясь – лиясь, / Сехте вадря – чачома мастором» («Мне не нужно лучшего – другого, / Самое лучшее – родная земля») [12, 40] вызывают в памяти есенинское: «Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою», позволяют реципиенту воспринять прелесть воспетой автором яркой идеально-утопической картины, раскрывают специфику индивидуально-личностного восприятия мира и собственного «я».

Аналогична тональность поэтического голоса в сюжетном стихотворении «Тесэ ульнинь мон...» («Здесь была я...»), в котором воссоздаётся атмосфера конкретного пространственного объекта – родительского дома, имеющего реальные проявления «сэрей поровт» («высокий порог»), «лазтнэ чикордыльт» («скрипучие половицы»), одновременно описывается сказочным местом («тесэ прылиньгак – толга паргинес» («здесь и упадешь – в корзину с пухом»), «те кудынесэнтэ эрясь уцяскась» («в этом доме жило счастье»). Прошлое (детство) в произведениях данного цикла является одним из главных категорий художественной субъективности. В анализируемом стихотворении оно сакрализуется, осмысливается «данном Богом», этапным в постижении мира и себя: «тонавтсь бабам монь оймень марямо» («бабушка учила душу познавать»), «эйкакшпингева ютан састыне, теке менельга» («по детству прохожу незаметно, словно по небу»). В качестве субъекта выступают бабушка, мать и отец лирической героини, эмоциональное общение между которыми составляет сюжетную линию.

Данное стихотворение можно назвать откровением, которое открывает завесу в национальный мир с многовековыми семейными традициями и этнокультурными представлениями.

В стихотворении «Эзь сода менелесь...» («Не знало небо...») психологически значимым становится образ белой птицы, символизирующей внутреннюю силу героини, её способность возрождаться. Субъект пытается разобраться в сложной социально-небесной иерархии, осмыслить удел живущих на земле: «кому метаться», «кому землю скрести», «кому волосы на себе рвать», «кому жить так, словно и не жил, словно застыл в начале пути». В образном контексте данного произведения небо, в соответствии с мифологическим воззрением эрзян и мокшан, становится трансцендентным символом. Небо осмысливается той сферой, где определяются судьбы людей. С указанного небом пути «не свернуть, не протоптать иной стези». Мифологический пласт наполняется авторскими экзистенциальными ощущениями.

Лирическое «я» постоянно находится в духовном поиске, который приводит не только к самопознанию, но и оценке собственных действий, поступков, интенций. В стихотворении «Якинъ – эзинъ вано пильгеалов...» («Ходила – не смотрела под ноги...») героиня самоуверенно заявляет: «Кортынъ – эзинъ онкстне эрва валом. / Эзинъ пеле а ведте, а толдо. / Эзинъ янксе ды эзинъ кавтолдо...» («Говорила – не взвешивала свои слова. / Не боялась ни воды, ни огня. / Не жалела и не сомневалась...») [12, 42]. Однако беспечность героини коррелирует с осознанием того, что «за всё придётся расплачиваться». В данном произведении экзистенциальность состояния лирического субъекта не находит дальнейшего раскрытия, основное внимание акцентировано на монтаже его поведения и образа мысли.

В презентованном в форме обращения стихотворении «Кортат мартон, авай...» («Поговори со мною, мама...») основным мотивом становится поиск смысла бытия, духовного самоопределения. Произведению характерна диалогическая интонация – лирическая героиня призывает мать рассказать, как жить тихо и спокойно, не испытывая переживаний, разочарований, обмана, несправедливости, закрыв душу от окружающих. Однако ответ на вопрос «Эрязь, кода седеэнтэ а яжамс?» («Живя, как сердце не тревожить?») звучит из уст субъекта

ещё до того, как он был поставлен, что доказывает мысль о том, что «диалог с чужим сознанием развёртывается на сугубо лирической «сцене» души» лирической героини [4]. В стихотворении прослеживается диалектическая связь между «я» и культурно-общественными реалиями, констатируются универсальные этические основы мироустройства, тесно связанные с традиционной культурой эрзян, сквозь призму которых оценивается нравственный потенциал личности. Драматизированное осмысление «внешних» для лирического субъекта тем, ситуаций становится свидетельством глубоко личного переживания им обстоятельств современности.

У Л. Рябовой нет «сезонных» стихов, одновременно энергетика времён года ощущается в каждом из них, но меняет свою традиционную функцию: она подчинена человеческой экзистенции, становится своеобразной декорацией эмоций лирического субъекта. В стихотворении «Сексень казне» («Осенний подарок») спелое, ароматное яблоко – это внешнее проявление субъективной авторской действительности, наполненной многогранными психологическими оттенками. Поэтесса использует образ яблока для передачи глубоких эмоций героини – любви, заботы по отношению к больной бабушке, близкому и родному человеку. Натуралистическая риторика при описании яблока опирается на выразительные приёмы народной поэзии: «шлясть сонзэ пиземеть, чизэ палсесь, / Зорянь тюссо лангозонзо пургась / Кизэнь манейдеяк маней валскесь» («омывали его дожди, солнце целовало, / Озарило ярким цветом летнее ясное утро») [12, 51], призванные усилить эмоции реципиента, эксплицитно передать психологическое состояние героини.

В стихотворении «Кандыть монень якстердиця кстыить...» («Принесла мне спелую землянику...») поэтесса вновь обращается к воспоминаниям о детстве. Хронотопы детских лет свежи, память хранит зрительные образы бабушки, спелой земляники, деревянной ложки, на которой нарисована гроздь рябины, большой миски, в которой с сахаром помяли ароматную землянику. Лирический субъект поэтизирует деревенскую бытовую повседневность, отыскивает в привычном предметном мире эстетическое начало. Природная образность сопровождает эмоции героини, передаёт её тоску по прошлому, таким образом получает психологическую детерминированность.

Третью часть книги «Кто я без тебя?» составили стихотворения, в которых раскрываются переживания сугубо личного характера. По утверждению исследователей «в лирике личное присутствие творящего субъекта осуществляется в форме личного присутствия некоего «я» [11]. На наш взгляд, в манифестациях данного цикла образ лирического «я» неотделим от образа лирической героини, что проявляется в её индивидуализации, объекте любовной рефлексии, грамматическом его выражении посредством формы глагола первого лица. Вместе с тем манифестации поэтессы, выражая личные, индивидуальные переживания во всей неповторимости их проявлений, в то же время воссоздают общее, типизированное значение.

Стихотворения «Видькстамо» («Признание»), «Аволь инже» («Не гость»), «Кадык ванды карман янксеме...» («Пусть завтра я пожелаю...»), «Зярдо туян...» («Когда уйду я...»), «Панжадо вальмась...» («Открыто окно...»), «Лепштямак мештезеть...» («Прижми меня к груди...»), «Мон истя учинь, зярдо сат...» («Я так ждала, когда придешь...»), «Вейсэ» («Вместе»), «Кие мон тонтеметь?» («Кто я без тебя?») близки по своему эмоционально-образному содержанию, могут быть идентифицированы как стихотворения об идеальной любви, в рецепции героини она уникальное и удивительное чувство, дар; в них доминирует мотив «внутренней предопределённости и предназначенности, скрепляющей судьбы двух» [6], исключительно любовного чувства и единства влюблённых.

Первая строфа стихотворения «Признание» – размышления лирической героини о допущенных в жизни ошибках, упреки в адрес близкого человека, неумение слушать его, недопонимание. Во второй части раскрытие сменяется признанием: «Мон а маштан эрямо тонтеметь!» («Я не умею жить без тебя») [12, 95]. Роль возлюбленного в жизни героини определяется посредством оригинальной метафоризации привычных явлений окружающей среды: «Мон тонтеметь – менель, кона чаво, ... ведь, кона а явавты симемат, ... седейтеме меште» («Я без тебя – пустое небо, ... вода, не утоляющая жажду, ... грудь без сердца») [12, 95]. Любовь героини безмерная, безудержная, она смело признается в своих чувствах, отдаёт всю себя отношениям.

Иной экзистенциально-мотивный пласт составляют стихотворения «Нардык мелем эсеть мельстэ...» («Сотри меня из памяти...»), «Тон

мерить, туют эйтэнь тов...» («Сказал, что уйдешь от меня туда...»), «Иля учо ней монь – мон арасян...» («Не жди меня – меня нет...»), «Явома» («Расставание»). В поэтической рефлексии Л. Рябовой любовь может быть жестокой, причиняющей боль, разочарование. Однако внутренней реакцией героини становятся не жалость к себе, отчаяние и паника, а протест, отрицание предательства, желание забыть причинённую боль и жить дальше, что передаётся посредством различных образов, к примеру, рассыпанной соли, потерянного кольца, солёного дождя, выступающих символом невозможности восстановления отношений. Горькое состояние брошенной, разлюбленной женщины является кратковременным. Лирическая героиня мудра, она наделена знанием предела близости мужчины и женщины, что придаёт ей силы отпустить и даже забыть некогда близкого человека.

В стихотворении «Якинъ чадыведнева...» («Ходила в половодье...») героиня переживает эмоциональную драму, вызванную сложными жизненными обстоятельствами, которые подвели её к переосмыслению многих позиций. Она становится сильнее, увереннее, дерзко заявляя: «Мендямак – а мендяван, / Толсоаяк а чентяван, / Валнэсэ а кардаван, / А нилеван – сардован...» («Согни – не согнёшь, / Огнём не опалишь, / Словом не толкнёшь, / Не проглотишь – костлявая...») [12, 69]. В данном случае доминирующее женское начало освещено мужественностью поведения героини. Несмотря на то, что она отказывается от борьбы за любовь, разочарование в любимом не становится основным мотивом произведения, определяющим остаётся чувство самоотдачи героини любимому человеку, но верному, ответственному, любящему; предательство, ложь, зло отрицаются её женской природой.

Справедливо утверждение о том, что «через постижение сущности любви поэт во многом определяет целостную концепцию жизни» [5]. В стихах Л. Рябовой во главу взаимоотношений мужчины и женщины возводится возвышенное нравственно-этическое начало (к примеру, брак осмысливается как испытание прочности духовных сил человека, меры его ответственности, проявления уровня моральной сознательности), перемежающееся с повседневными бытовыми чертами жизни, что позволяет говорить об оригинальности поэтического

мировидения поэтессы, своеобразии её стиля, в котором коррелируют условно-метафорическая образность, житейская психология и точное реалистическое зрение.

Обсуждение и заключения

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что в сборнике Л. Рябой «Кто ты?» представлены различные вариации взаимодействия личности и окружающего мира, субъекта и социума. Правомерно говорить о том, что концептуальной творческой стратегией поэтессы становится оценка социальных и духовно-нравственных основ миропорядка. Она сосредоточена на выявлении этнокультурной доминанты, репрезентации национальной картины мира, выступает против деэтнизирующей современности, нивелирования традиционной культуры, не приемлет нарушение моральных принципов, нравственно-духовных категорий, что отражается в модели поведения лирической героини и её рецепции общественных реалий. Поэтические манифестации первого цикла характеризуются открытой социальностью, высокой гражданственностью, критичностью, бескомпромиссностью оценок, призывностью. Стихотворения второго цикла построены на ретроспективных интенциях. Одним из основных темпорально-экзистенциальных ориентиров в них становится прошлое. Меняется модель взаимоотношений субъекта и действительности (мир детства в авторской рецепции – гармоничное, дающее позитивные эмоции пространство), тональность поэтического высказывания теряет жёсткость, бескомпромиссность, резкие критические интонации перекрываются ностальгией, элегичностью. Лирическая героиня тесно взаимодействует с естественной средой, миром деревни, поэтому функционально значимой становится природная символика, осознанно игнорируемая в первом цикле. В стихотворениях интимной лирики представлены различные вариации взаимоотношений женщины и мужчины. Адресат эмоций лирической героини Л. Рябой амбивалентен, что обуславливает вариативность мотивного дискурса произведений. В одних стихах доминирует мотив служения героини возлюбленному, ставшему смыслом её жизни, в других прослеживается сценарий обесценивания любви и разлуки некогда близких людей. Особенностью поэтического голоса Л. Рябой

следует считать её стремление самобытно обогрывать традиционные константы, заменять созерцательную архитектуру анализом психологического состояния лирического субъек-

та, отказываться от однозначного толкования жизненных событий, насыщать мысль экзистенциальными сентенциями, усиливать онтологическую семантику стиха.

Список источников и литературы

1. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Современная мордовская литература: синтез традиций и новаторства (на материале изданий 2016 г.) // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 20–29. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2017/2/20-29.pdf> (дата обращения 12.02.2018).
2. Арзамазов А. А. Эволюция образной системы и лингвосемантические трансформации в удмуртской поэзии второй половины 1970-х – начала 2010-х годов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2016. 40 с.
3. Ашурбеков А. А., Омарова З. С., Магомедова Х. И. Основные мотивы лирики М. Ахмедова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2/2. С. 123–127. URL: <http://www.hist-edu.ru/hist/article/view/2153/2102> (дата обращения 18.02.2018).
4. Барковская Н. В. Поэтика «фонографа» в поэзии И. Анненского и проблема лирического субъекта // Уральский филологический вестник. Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2017. № 3. С. 90–100. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/207.pdf> (дата обращения 20.02.2018).
5. Губашиева Е. И. Концепция любви в произведениях Танзили Зумакуловой // Научные известия. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-lyubvi-v-proizvedeniyah-tanzili-zumakulovoy> (дата обращения 21.02.2018).
6. Иванов К. Г. Любовные мотивы лирики Н. Тuroверова // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 213–217. URL: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2015_1.pdf (дата обращения 14.02.2018).
7. Каторова А. М. Женская лирика с необычным характером. О поэтическом творчестве А. Подгорновой // Центр и периферия. 2017. № 1. С. 96–99. URL: <http://www.niign.ru/nauchnyie-zhurnalyi/czentr-i-periferiya> (дата обращения 23.02.2018).
8. Каторова А. М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в. // Вестник НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 1 (25). С. 122–131. URL: <http://www.niign.ru/nauchnyie-zhurnalyi/vestnik-nii-gumanitarnyix-nauk-pri-pravitelstve-rm/vse-nomera/2013/> (дата обращения 21.02.2018).
9. Налдеева О. И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2013. 285 с.
10. Насибуллина Н. Ш., Хасанова Ф. Ф. Типология жанров в поэзии Р. Миннуллина // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14 (305). Филология. Искусствоведение. Вып. 77. С. 45–48. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/305/vcsu13_14.pdf (дата обращения 11.02.2018).
11. Руфова Е. С. Любовная лирика в творчестве П. Черных-Якутского (на примере рукописного сборника «Кровью сердца своего») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. № 5 (49). URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/unir/vestnik-svfu/arkhiv-2015.pdf> (дата обращения 15.02.2018).
12. Рябова Л. Кие тон? – Кто ты? Саранск: [б.и.], 2017. 128 с.
13. Рябцева Н. Е. Топос детства в современной женской поэзии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 140–144. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/290345> (дата обращения 22.02.2018).
14. Степин С. Н., Акашкин М. М. Формы выражения авторского сознания в современной лирической поэзии Мордовии // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 1 (29). С. 133–136. URL: https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/caa/1_29_-_yanvar_mart_.pdf (дата обращения 10.02.2018).
15. Утяев А. Ф. Лирический герой современной башкирской поэзии // Вестник Башкирского университета. 2011. № 1. С. 98–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskiy-geroy-sovremennoy-bashkirskoy-poezii> (дата обращения: 14.02.2018).
16. Чевтаев А. А. Функции и семантика «воспоминания» в ранней поэзии Н. Гумилёва (о некоторых аспектах лирического сюжетостроения) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филоло-

гия». 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-i-semantic-vospominaniya-v-ranney-poezii-n-gumileva-o-nekotoryh-aspektah-liricheskogo-syuzhetostroeniya> (дата обращения 19.02.2018).

References

1. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. *Sovremennaja mordovskaja literatura: sintez traditsii i novatorstva (na materiale izdanii 2016 g.)* [Modern Mordovian literature: synthesis of traditions and innovation (on the material of the editions of 2016)]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2017, no. 2, pp. 20–29. Available at: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2017/2/20-29.pdf> (accessed February 12, 2018). (In Russian)
2. Arzamazov A. A. *Evolutsiia obraznoi sistemy i lingvosemanticheskie transformacii v udmurtskoi poezii vtoroi poloviny 1970-kh – nachala 2010-kh godovk* [Evolution of the figurative system and linguo-semantic transformations in the Udmurt poetry of the second half of the 1970s – early 2010s]. Izhevsk, 2016. 40 p. (In Russian)
3. Ashurbekov A. A., Omarova Z. S., Magomedova Kh. I. *Osnovnye motivy liriki M. Ahmedova* [The main motifs of lyrics of M. Ahkmedov]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and social-educational thought], 2016, no. 8 (2/2), pp. 123–127. Available at: <http://www.hist-edu.ru/hist/article/view/2153/2102> (accessed February 18, 2018). (In Russian)
4. Barkovskaya N. V. *Pojetika «fonografa» v poezii I. Annenskogo i problema liricheskogo sub#ekta* [Poetics of the «phonograph» in the poetry of I. Annensky and the problem of the lyric subject]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija* [Ural Journal of Philology. Russian literature of XX–XXI centuries: directions and trends], 2017, no. 3, pp. 90–100. Available at: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/207.pdf> (accessed February 20, 2018). (In Russian)
5. Gubashieva E. I. *Koncepcija ljubvi v proizvedenijah Tanzili Zumakulovoj* [The concept of love in the works of Tanzilya Zumakulova]. *Nauchnye izvestija* [Scientific bulletin], 2016, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsija-ljubvi-v-proizvedenijah-tanzili-zumakulovoy> (accessed February 21, 2018). (In Russian)
6. Ivanov K. G. *Ljubovnye motivy liriki N. Turoverova* [Love motifs of the lyric by N. Turoverov]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2015, no. 1, pp. 213–217. Available at: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2015_1.pdf (accessed February 14, 2018). (In Russian)
7. Katorova A. M. *Zhenskaia lirika s neobychnym harakterom. O poeticheskom tvorchestve A. Podgornovoi* [Female lyrics with unusual character. About the poetic creative work of A. Podgornova]. *Centr i periferija* [Centre and periphery], 2017, no. 1, pp. 96–99. Available at: <http://www.niign.ru/nauchnyie-zhurnalyi/czentr-i-periferiya/vse-nomera/> (accessed February 23, 2018). (In Russian)
8. Katorova A. M. *Osnovnye napravlenija razvitiia mordovskoj literatury v nachale XXI v.* [The main directions of development of the Mordovian literature at the beginning of the XXI century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija* [Bulletin Scientific Research Institutes of Humanities at the Government of the Republic of Mordovia], 2013, no. 1 (25), pp. 122–131. Available at: <http://www.niign.ru/nauchnyie-zhurnalyi/vestnik-nii-gumanitarnykh-nauk-pri-pravitelstve-rm/vse-nomera/2013/> (accessed February 21, 2018). (In Russian)
9. Naldeeva O. I. *Sovremennaja mordovskaja poezija: osnovnye tendensii i khudozhestvennye orientiry* [The modern Mordovian poetry: main trends and artistic reference points]. Saransk: Mordov. gos. ped. in-t Publ., 2013. 285 p. (In Russian)
10. Nasibullina N. Sh., Khasanova F. F. *Tipologija zhanrov v poezii R. Minnullina* [Typology of genres in the poetry of R. Minnullin]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk University. Philology. Art criticism], 2013, no. 14 (305). Vol. 77, pp. 45–48. Available at: http://www.lib.csu.ru/vch/305/vcsu13_14.pdf (accessed February 11, 2018). (In Russian)
11. Rufova E. S. *Ljubovnaja lirika v tvorchestve P. Chernyh-Jakutskogo (na primere rukopisnogo sbornika «Krov'ju serdca svoego»)* [Love lyrics in the works of P. Chernykh-Yakutsky (in a case of manuscript copy «By the Blood of My Heart»)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Vestnik of the North-Eastern Federal University], 2015, no. 5 (49). Available at: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/unir/vestnik-svfu/arkhiv-2015.pdf> (accessed February 15, 2018). (In Russian)
12. Ryabova L. *Kie ton? – Kto ty?* [Who are you?]. Saransk: [w/p], 2017. 128 p. (In Erzya)
13. Ryabtseva N. E. *Topos detstva v sovremennoj zhenskoi poezii* [Topos of childhood in modern female

poetry]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2013, no. 4, pp. 140–144. Available at: <https://e.lanbook.com/journal/issue/290345> (accessed February 22, 2018). (In Russian)

14. Stepin S. N., Akashkin M. M. *Formy vyrazhenija avtorskogo soznaniya v sovremennoj liricheskoj poezii Mordovii* [Forms of expression of author's consciousness in the modern lyrical poetry of Mordovia]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education], 2017, no. 1 (29), pp. 133–136. Available at: https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/caa/1_29_-_yanvar_mart_.pdf (accessed February 10, 2018). (In Russian)

15. Utyaev A. F. *Liricheskij geroj sovremennoj bashkirskoj poezii* [Lyrical hero of modern Bashkir poetry]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2011, no. 1, pp. 98–102. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskij-geroy-sovremennoj-bashkirskoj-poezii> (accessed February 14, 2018). (In Russian)

16. Chevtayev A. A. *Funkcii i semantika «vospominaniya» v rannej poezii N. Gumileva (o nekotoryh aspektah liricheskogo sjuzhetostroeniya)* [Functions and semantics of «memory» in the early poetry of N. Gumilev (about some aspects of lyrical plot construction)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istorija i filologija»* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2011, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-i-semantika-vospominaniya-v-rannej-poezii-n-gumileva-o-nekotoryh-aspektah-liricheskogo-sjuzhetostroeniya> (accessed February 19, 2018). (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорских литератур, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHOR:

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of Department of Finno-Ugric Literatures, Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID 0000-0002-6504-3410